

Клятва на сломанном мече для заклинателя — всё равно что добровольная кабала, где на кон ставится сама жизнь. Цинь Шо достаточно было лишь кивнуть, чтобы узы чужой воли скрепили это обещание намертво.

Однако перед ним стоял Сун Ваньчэнь — хрупкий и чистый, точно расцветшая в разгар зимы дикая слива. Его ладони тонули в алой крови, пальцы судорожно сжимали разбитую сталь, а на обычно бесстрастном, благородном лице застыла пугающая решимость. Из-за кровопотери губы бессмертного совсем побелели. Видя, какую цену тот готов заплатить ради ничтожного обещания, Цинь Шо дрогнул — даже будь его сердце из цельного гранита, оно бы не выдержало.

В конце концов, сам Цинь Шо сейчас походил на щепку, затерянную в бушующем океане: куда прибьет волной, там и пристань. И если судьба предлагала ему тихую гавань, стоило ли отказываться? К чему теперь эти сомнения в чужой искренности?

Тихий вздох сорвался с губ Цинь Шо, знаменуя капитуляцию. В глубине души шевельнулось странное предчувствие: уступает он далеко не в первый и явно не в последний раз. Возможно, тот хитрый лис не лгал. Быть может, до беспамятства он действительно боготворил Сун Ваньчэня, берёг пуще зеницы ока и не мог вынести даже мысли о его страданиях.

— Не нужно кляtv.

В конце концов, раз уж он сам затеял этот разговор, можно и умерить гордость. Ведь...

«Ведь я старший брат, и мне нести это бремя. Ваньчэнь, тебе не о чем беспокоиться»

Чужой отголосок вспыхнул в сознании так внезапно, словно прошлое на секунду наложилось на настоящее. Цинь Шо оцепенел. Он никак не ожидал услышать собственный голос — но не тот, о котором с трепетом твердили младшие братья, а другой: непривычно мягкий, глубокий и исполненный безмятежной заботы.

Сун Ваньчэнь даже не попытался возразить. Он лишь тихо, торжествующе рассмеялся, будто заранее предугадал исход. Разжав пальцы, он позволил обломкам меча со звоном упасть на пол, а когда поднял взор, на его лице уже не осталось и следа прежней скорби. Теперь в его глазах играла мягкая улыбка, от которой, однако, веяло могильным холодом.

— Значит, ты мне веришь? Больше никаких сомнений?

Нахлынувшее было воспоминание тут же рассеялось, унося с собой призрачные образы прошлого. В висках заломило от глухой боли. Цинь Шо, не желая продолжать бессмысленный спор, лишь отмахнулся:

— Пусть будет по-твоему.

Но эта уступчивость лишь подлила масла в огонь. Сун Ваньчэнь, сжав в кулаке пропитанный кровью платок, шагнул ближе. Его высокая фигура нависла над Цинь Шо, заслоняя свет, а тихий голос прозвучал вкрадчиво, но с явной угрозой:

— О ком ты думаешь теперь?

Оказавшись в ловушке чужой тени, Цинь Шо невольно поднял голову и столкнулся с ледяным взглядом своего собеседника. Перед ним стоял признанный первый красавец Пика Вечной Разлуки, однако сейчас от этой безупречной красоты веяло смертельной опасностью — Цинь Шо почудилось, будто на него смотрит притаившаяся в зарослях кобра. С трудом преодолев оцепенение, он отвёл взор и перевёл тему:

— Ни о ком. Скажи лучше, ты прибыл с Пика Вечной Разлуки надолго? Сколько дней сможешь здесь пробыть?

— Если считать сегодняшний, то дня четыре-пять, не больше.

Напряжение на лице Сун Ваньчэня немного спало. Он отступил на шаг и глухо произнес:

— Дядя Цзян Яцзы угасает, его земной срок подходит к концу. Он просил меня забрать из Безжалостной обители несколько реликвий, которые оставил здесь много лет назад. Но когда я пришел в Павильон Сокрытого Оружия, выяснилось, что сокровищницу грабили, и не единожды. Зеркало Плывущей Жизни, присланное из Павильона Божественных Предков, дядин Колокольчик, Призывающий Сны, и Свиток Пророчества бесследно исчезли. Видимо, как только Собрание бессмертных завершится, мне придётся отправиться в мир смертных на их поиски.

Цинь Шо доводилось слышать об этих артефактах. Самым ценным из них считалось Зеркало Плывущей Жизни: обитающий в нём дух мог показать человеку его прошлое и грядущее. Правда, за всю жизнь к его силе разрешалось прибегнуть лишь трижды. К тому же дух зеркала никому не подчинялся и мог по собственной воле перемещаться в пространстве — так что его исчезновение вполне могло оказаться обычным капризом, а не кражей. А вот Колокольчик, Призывающий Сны, и Свиток Пророчества за сотни лет так и не обрели собственных духов, а значит, их совершенно точно кто-то похитил.

Колокольчик, Призывающий Сны, полностью оправдывал свое имя — рожденный грезами, ими же он и убивал. Он мог как вернуть хозяину утраченное прошлое, так и сотворить искусственное видение, без труда переписав глубокие убеждения человека. В руках праведника он служил добру, в руках злодея становился смертоносным оружием — всё зависело лишь от воли владельца. Окажись он у простого смертного, беды бы не случилось, но если колокольчик приберет к рукам искусный заклинатель с черными мыслями, миру грозит настоящая катастрофа.

Свиток Пророчества таил в себе куда более зловещую силу, чем два других артефакта, и по мощи не уступал Книге Жизни и Смерти. Изначально он состоял из двух частей: первая

хранила летопись бытия, вторая предрекала судьбы. Обе позволяли переписывать предчертанное, но обычная тушь для этого не годилась — писать приходилось собственной кровью. При этом свиток принимал лишь самое первое исправление, и вернуть все вспять после этого было уже невозможно. Да и плата за право стать вершителем судеб была непомерно высока: за каждую измененную жизнь свиток забирал у писавшего двадцать лет земного срока.

— Колокольчик и Свиток Пророчества всегда дополняли друг друга, — нахмурился Цинь Шо, осознав масштаб угрозы. — Пропади что-то одно, последствия еще можно было бы сгладить. Но исчезновение обоих артефактов сулит огромные беды, верно?

Он мало что смыслил в подобных делах, но даже ему было ясно: пахнет катастрофой.

— Кто охранял Павильон Сокрытого Оружия? Шицзунь уже знает о случившемся?

Сун Ваньчэнь поджал губы:

— Именно ради этого я и пришел. Кража произошла два месяца назад, еще до того, как ты лишился памяти. А за охрану Павильона Сокрытого Оружия тогда отвечал... наш Младший брат.

Он порывисто сжал ладонь Цинь Шо, размазывая по его коже еще теплую кровь. В его голосе зазвучала отчаянная мольба:

— Если глава ордена Даохуа узнает об этом, Младшему брату не избежать суровой кары. Но ты — совсем другое дело. Глава ордена души в тебе не чает. Стоит тебе взять вину на себя, и наказание окажется чисто символическим. Ну пожурит немного, ну заставит посидеть в затворничестве — и всё забудется! А у А-Юя за душой никого нет. Если его с позором изгонят из ордена, да еще и приговорят к ударам Плети, Раскалывающей Кости, он просто не выживет.

Цинь Шо почувствовал, как в груди спёрло дыхание от осознания услышанного.

— То есть... ты предлагаешь мне стать его козлом отпущения? Принять этот грех на себя?

Сун Ваньчэнь отвел взгляд — то ли от стыда, то ли из чистого расчета — и тихо произнес:

— Твоя судьба сложилась куда счастливее его. К тому же этот поступок заставил бы остальных пересмотреть свое отношение к тебе. Я прошу об этом не только ради него, но и ради твоего же блага.

Звучало на редкость благородно, но Цинь Шо невольно задался вопросом: на чьей же стороне играет Сун Ваньчэнь? Неужели его собственный нареченный так легко готов принести его в жертву?

— Шицзунь всегда судит беспристрастно и потакать малодушию не станет, — медленно проговорил он, прощупывая почву. — Скажи мне: если бы под угрозой изгнания и ударов Плети, Раскалывающей Кости, оказался я, ты бы тоже просил меня сдаться?

Сун Ваньчэнь на секунду замялся, но даже не подумал смягчить удар. Встретившись с ним взглядом, он твердо произнес:

— Твой уровень совершенствования уже достиг стадии Зарождающейся Души, для тебя эти плети — пустяк, заживет как на собаке. А изгнание... Что мешает мне забрать тебя на Пик Вечной Разлуки? Я стану твоей опорой и защитой. Неужели этого тебе мало?

Ответ не оставлял выбора: от него требовали безоговорочной покорности.

«Лед толщиной в три чи намерзает не за один морозный день» — теперь Цинь Шо в полной мере ощутил горькую правду этой пословицы. Какими же колдовскими чарами обладал Младший брат, раз сотоварищи по ордену, с которыми они вместе выросли, остервенело гнали Цинь Шо на плаху ради чужого спасения? И ладно они, но даже собственный суженый — прославленный Бессмертный Меч Чанцзюэ Сун Ваньчэнь — униженно вымаливал пощаду для другого, наступая на горло собственной пассии.

«Неужели и до беспамятства моя жизнь была столь же жалкой?»

Сердце Цинь Шо сковал лед, а в мыслях царил полнейший сумбур. Он решительно перестал понимать, в какую игру его пытаются втянуть. Одно стало ясно без слов: верить рассказам этих людей нельзя. Ложь сочилась из каждого их слова. Прошное придется восстанавливать самому — крупица за крупицей.

— Прости, но здесь я тебе не помощник, — Цинь Шо резко высвободил свои пальцы из чужой окровавленной хватки. Голос его так явно сквозил могильным холодом: — Мои отношения с Младшим братом не настолько близки, чтобы я подставлял под удар собственную шею.

Подобный отпор, кажется, ничуть не удивил Сун Ваньчэня. Он лишь задумчиво огладил изрезанную ладонь и внезапно сменил гнев на милость:

— Прости. Я погорячился и зря втянул тебя во всё это. — Тяжело вздохнув, он опустил веки. — Раз уж ничего не изменить, я не стану настаивать. Но подумай сам, А-Шо: ты ведь его Старший брат. Неужели ты позволишь ему пойти на плаху с пустыми руками, не дав и шанса выжить?

Видя, что собеседник готов пойти на попятную и так непривычно беззащитен, Цинь Шо почувствовал, как раздражение уступает место глухому состраданию:

— Чего ты хочешь? Говори прямо.

— Перед тем как уйти в затворничество, глава ордена Даохуа подарил тебе Меч Сокровенного Света, который выковал собственноручно. — Сун Ваньчэнь выдержал паузу и пристально посмотрел на Цинь Шо. — В Безжалостной обители это оружие ценится на вес золота, ведь в нём дремлет могущественный дух клинка. Он превосходно защищает своего владельца. Почему бы тебе не отдать его Младшему брату?

— Меч Сокровенного Света?

В памяти смутно шевельнулось воспоминание об этом оружии. Да, именно с ним он отправлялся в мир смертных на битву со скверной. Дух меча давно обрел плоть и являлся ему в облике пятилетнего мальчишки — не по-детски серьезного, ворчливого, но преданного до последнего вздоха. Вот только где этот клинок сейчас?

Заметив его колебания, Сун Ваньчэнь поспешил добавить:

— Когда ты лишился памяти, Меч Сокровенного Света взбунтовался. Он метался у твоей постели и никого не подпускал близко. Старейшинам пришлось силой усмирить его и наложить печать. Клинок заперли в Павильоне Сокрытого Оружия, чтобы его ярость утихла. Срок печати истекает как раз накануне Собрания бессмертных.

Эти слова заставили Цинь Шо насторожиться. В голове мгновенно созрел дерзкий план.

— Скажи, а ключ от Павильона Сокрытого Оружия сейчас у тебя?

Сун Ваньчэнь кивнул:

— Да, с позволения дяди Цзян Яцзы я присматриваю за ним.

— Отдай его мне.

Его мысли унеслись к предстоящему празднеству. Было кое-что чрезвычайно важное, в чём Цинь Шо обязан был убедиться лично.

— Мне нужно попасть в Павильон Сокрытого Оружия до начала Собрания бессмертных.

<http://bllate.org/book/20094/1998479>